

- Попова. 1998 – *Попова Е. А.* О северо-причерноморском домостроительстве I в. до н.э. – I в.н.э. (по материалам квартала Запад-II городища «Чайка») // Историческая археология: Традиции и перспективы. М., 1998.
- Сидоренко. 2005 – *Сидоренко В. А.* Эпитафия скифского царя Аргота // Материалы по археологии, истории и этнографии Таври. Симферополь, 2005.
- Шульц. 1971 – *Шульц П. Н.* Позднескифская культура и её варианты на Днепре и в Крыму // Проблемы скифской археологии. 1971. МИА. № 177.
- Щеглов. 1978 – *Щеглов А. Н.* Северо-Западный Крым в античную эпоху. Л., 1978.
- Яценко. 1962 – *Яценко И. В.* Тарелка царицы Гипепирии из Неаполя Скифского // Историко-археологический сборник. М., 1962.
- Яценко. 1970 – *Яценко И. В.* Исследование сооружений скифского периода на городище «Чайка» в Евпатории (1964–1967 гг.) // КСИА. 1970. Вып. 124.

Ю. П. Зайцев

**«Позднескифский» костюм как этноиндикатор
(на примере элементов поясной гарнитуры III–I вв. до н.э.)**

Детали поясной гарнитуры занимают заметное место среди артефактов, характеризующих ранний (III–I вв. до н.э.) этап позднескифской археологической культуры Крыма.

Однако, несмотря на очевидную информативность, упомянутая категория материала ни разу не рассматривалась детально и в полном объёме. В качестве недавнего примера можно привести соответствующий раздел в монографии, посвящённой погребальным памятникам Крымской Скифии II в. до н.э. – III в. н.э. (Пуздровский. 2007). В нём представлен, правда, не всеобъемлющий перечень взглядов исследователей на интересующий нас материал, в качестве аналогий приведены преимущественно савроматско-раннесарматские образцы облачения воинов с общей отсылкой к иллюстрациям «новых находок». В итоге автор приходит к заключению о том, что «портупейно-поясные наборы, колчаные крюки и другие детали воинского снаряжения свидетельствуют о его смешанном характере: при сохранении традиций скифской эпохи широкое распространение получают западные (латенские)¹⁵⁹ и восточные (сарматские) типы экипировки» (Там же. С. 72). В развитие этого тезиса говорится, что в эллинистический период «в Северном Причерноморье происходит встречное движение двух миграционных потоков: скифо-фракийского и сармато-меотского.» (Там же. С. 77).

¹⁵⁹ Стоит заметить, что в монографии приводится мнение Н. Н. Погребовой относительно традиции ношения кельтами кожаных поясов с металлическими деталями, тогда как другие «латенские влияния и заимствования» не упомянуты.

Насколько же такой вывод подтверждается фактическим материалом – в данном случае позднескифской «портупейно-поясной гарнитурой» III–I вв. до н.э.?

Источниковая база. Отобранные для анализа предметы происходят из грунтовых некрополей, коллективных каменных подкурганых гробниц Центрального и Западного Крыма, а также из святилищ горного Крыма (Гурзуфское Седло, Туар-Алан). Всего в данном контексте учтено более 20 топографических пунктов, более 300 погребальных сооружений и около 4000 погребений. Все предметы – общим числом более тысячи попадают в хронологические рамки III–I вв. до н.э. (в основном II–I вв. до н.э.).

Основные категории: поясные бляхи, поясные (портупейные) крюки, поясные пряжки, соединительные кольца ремней. Также в эту группу включены наконечники кожаных футляров ножей, которые долго считались наконечниками кожаных поясов.

1. Поясные бляхи (пластины) с крюком. Практически все известные экземпляры изготовлены из железа, имеют трапецевидную форму и горизонтальное расположение на поясе. Бронзовых экземпляров только два – в виде рельефных изображений скачущих всадников. Круг формально близких аналогий за пределами Крыма ограничен памятниками Тираспольской группы, ареалом поянешти-лукашевской культуры и отдельными находками из Северо-Западного Причерноморья и Предкавказья. Наиболее ранние экземпляры по контексту могут быть датированы III в. до н.э., основное количество же относится ко II – первой половине I в. до н.э. Особый интерес представляет серия таких пластин с рельефными и прорезными сюжетными изображениями (Зайцев. 2009).

2. Поясные (портупейные) крюки. Большая часть экземпляров изготовлена из железа, меньшая – из бронзы. Зафиксированное положение в погребении – вертикальное, справа или слева выше пояса, крючком вниз. В специальной литературе такие предметы также упоминаются под названием портупейных или колчаных.

С шаровидным навершием (Рис. 1. 3, 4). Конструктивно наиболее сложные и состоят из изогнутого пустотелого стержня с заостренными концами, на одном из которых находится крючок а на другом – сферическое навершие, состоящее из двух полушарий. В средней части стержня расположено Т-образное крепление для кожаного ремня. Известны железные и бронзовые экземпляры; последние украшены гравированным геометрическим орнаментом. Датировка: вторая половина II – первая половина I в. до н.э. или Lt D. За пределами Крыма известны только два полностью аналогичных экземпляра, происходящие из ареала ясторфской культуры: Annaburger Heide, kr. Herzberg и Artern, Bezirk Halle (Рис. 1. 1, 2; Müller. 1985).

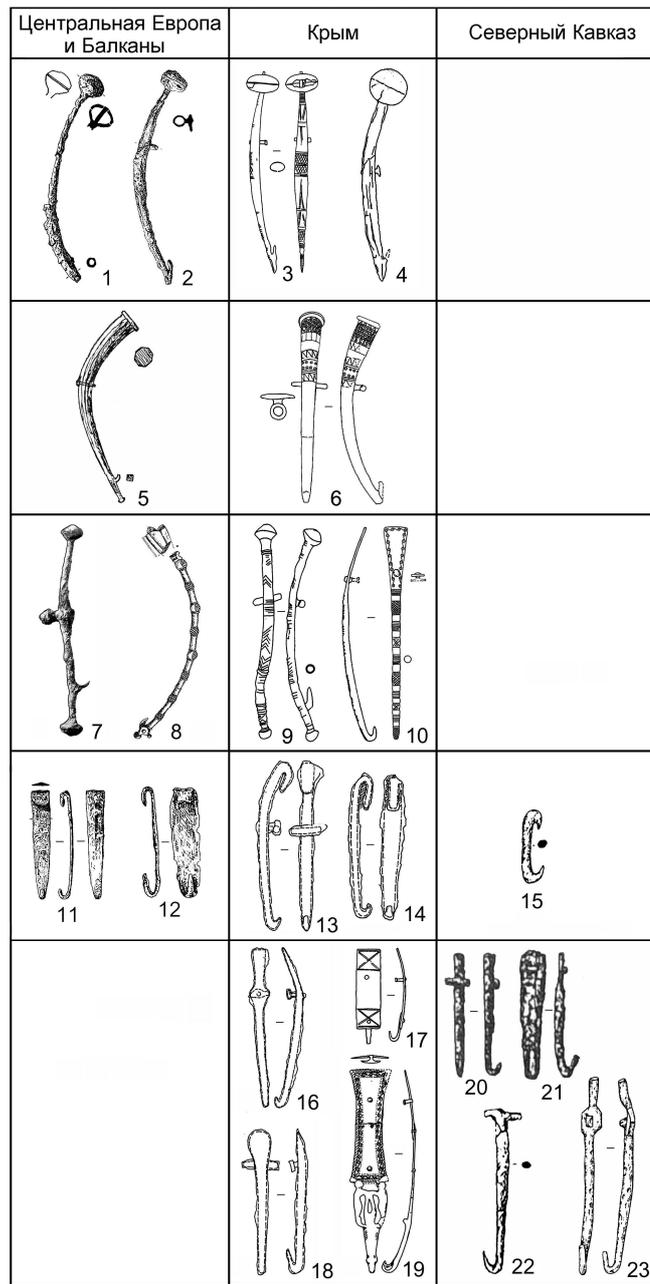

Рис. 1

Конические (Рис. 1. 6) представляют собой изогнутый конический стержень с крючком на узкой стороне и Т-образным креплением для кожаного ремня. Изготовлены из железа и бронзы, бронзовый экземпляр украшен гравированным геометрическим орнаментом. Единственная аналогия за пределами Крыма – Danziger Höhe, Северная Польша, ареал Оксывской культуры (Kostschewski. 1911).

С расчленёнными зонами орнамента (Рис. 1. 9, 10), *нестандартные*. Сделаны из бронзы, в виде изогнутых стержней, с зонами гравированного геометрического орнамента, в одном случае – с биконическими навершиями на концах. Наиболее близкие аналогии известны в зоне ясторфской культуры (Рис. 1. 8) и в Чехии, на одном из крупнейших кельтских оппидумов Hradischt bei Stradonitz (Рис. 1. 7; Рис. 1906).

С двумя крючками (Рис. 1. 14). Бронзовые и железные пластинчатые и стержневидные экземпляры, у которых отсутствует Т-образное крепление для ремня, а оба конца загнуты в крюки. Территориально наиболее близкие аналогии происходят из погребений Тираспольской группы, где их известно 14 экземпляров¹⁶⁰. Также представительная серия подобных крюков зафиксирована в памятниках ясторфской культуры (Рис. 1. 11, 12; Müller. 1985). Среди крымских находок выделяется «гибридный» экземпляр с двумя загнутыми концами и Т-образным креплением (Рис. 1. 13).

Стержневидные (Рис. 1. 16, 18) представляют собой прямой или слабоизогнутый стержень с крючком на конце и Т-образным креплением для ремня на верхней половине. Верхние окончания и места прикрепления Т-образных креплений часто уплощены. Практически все экземпляры изготовлены из железа. Аналогии за пределами Крыма известны только в степных, предгорных и горных памятниках Северного Кавказа II–I вв. до н.э (Рис. 1. 22, 23; Абрамова. 1993).

Пластинчатые (Рис. 1. 17, 19) представляют собой слабоизогнутые вытянутые пластины различных форм с крючками и Т-образными креплениями. Изготовлены из бронзы и железа; почти все бронзовые экземпляры украшены растительным или геометрическим орнаментом. Немногочисленные аналогии за пределами Крыма известны только на Северном Кавказе (Рис. 1. 21).

3. Пряжки

Изготовлены из железа и бронзы, в погребениях найдены в области таза.

Прямоугольные, с прямыми или вогнутыми продольными сторонами и стилизованными утиными головками-выступами (Рис. 2. 3, 4).

¹⁶⁰ Материалы не опубликованы. Выражаю искреннюю благодарность сотрудникам Археологической лаборатории Приднестровского государственного университета им. Т. Г. Шевченко (Тирасполь) Н. П. Тельнову, В. С. Синике и И. В. Четверикову за предоставленную информацию.

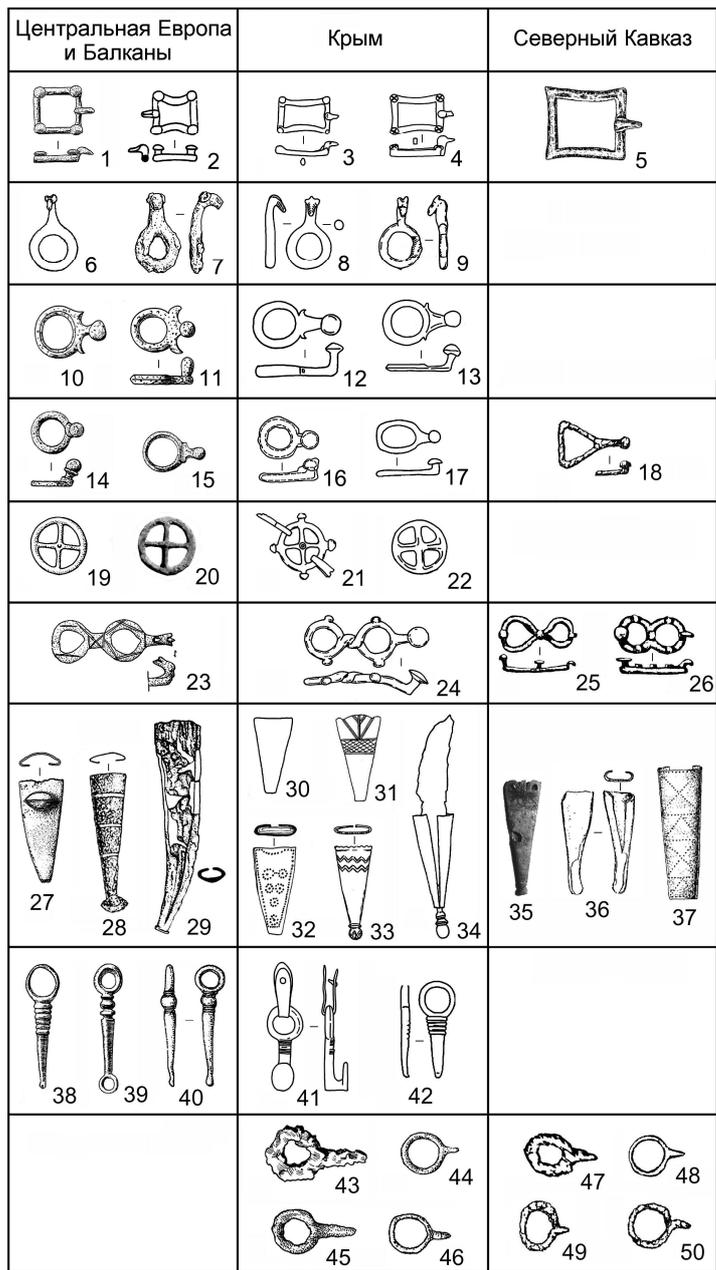

Рис. 2

Все известные экземпляры изготовлены из бронзы и по углам украшены полусферическими выступами. За пределами Крыма подобные пряжки известны на территории вдоль Дуная от Балкан до Швейцарии (Werner. 1979). Наиболее близкий крымским экземпляр происходит, в частности, из некрополя Sementina (Южная Швейцария; Рис. 2. 2). Примечательно, что Й. Вернер считал европейские железные пряжки подобной формы производными от бронзовых (Werner. 1979), хотя на территории Северного Причерноморья подобная конструкция была характерна для крупных подпружных железных и бронзовых пряжек – элементов конской узды (Рис. 2. 5).

Круглые с зооморфными крюками (Рис. 2. 8, 9). Бронзовые пряжки в виде кольца с неподвижным крючком, оформленным в виде стилизованной головы животного. За пределами Крыма такие предметы дважды встречены в ритуальных (вотивных)кладах Северо-Западного Причерноморья. Они хорошо известны в Чехии, Словакии, Венгрии, Южной Германии (Рис. 2. 6, 7) и Швейцарии как Tierkopfgürtelhaken (Dorothea van Endert. 1991) или как промежуточная форма между Tierkopfgürtelhaken и Ringknopfhaken (Jacobi. 1977); период Lt C или Lt C2.

Круглые с выступом-кнопкой (Рис. 2. 16, 17). Бронзовые и железные пряжки в виде кольца с неподвижным выступом, оформленным в виде утолщения-«кнопки». На соседних с Крымом территориях неизвестны, но широко представлены в Центральной и Западной Европе под названием Knopfgürtelhaken (Рис. 2. 14, 15). На Северном Кавказе известен единственный подобный экземпляр, но с треугольной рамкой (Рис. 2. 18).

Особый интерес представляет экземпляр из сдвоенных колец с кнопкой (Рис. 2. 24). Считается, что подобные пряжки, помимо прочего известные на Северном Кавказе (Рис. 2. 25, 26), являются признаком раннесарматской культуры. Однако подобная конструкция (в сочетании с зооморфными крюками и кнопками) была также известна и в Центральной Европе (Рис. 2. 23).

Круглые «крылатые» (geflügelten) с выступом-кнопкой (Рис. 2. 12, 13). Бронзовые пряжки в виде кольца с неподвижным выступом, оформленным в виде утолщения-«кнопки», по бокам от которой расположены заостренные выступы-«крылья». В других местах Северного Причерноморья такие пряжки неизвестны, зато в большом количестве представлены в центрально- и западноевропейских древностях периода Lt D1 (Рис. 2. 10, 11; Werner. 1979).

Круглые с неподвижным заостренным стержневидным выступом (Рис. 2. 43–46). Изготовлены из бронзы и железа. Происхождение этого типа традиционно связываются с ареалом раннесарматской археологической культуры (Храпунов. 2004; Пуздровский. 2007. С. 72). Вместе с тем необходимо обратить внимание на наличие железных

пряжек такой конструкции среди находок из погребений Тираспольской группы III – первой половины II в. до н.э. и полное их отсутствие в синхронных степных «раннесарматских» погребениях Северного Причерноморья.

Из сдвоенных колец с неподвижным заостренным стержневидным выступом. Два известных экземпляра бронзовые, украшены рельефными масками актера. По общепринятому мнению, такой тип пряжек считается характерным для сармат, но антропоморфные украшения в данном случае признаются античным влиянием (Пуздровский. 2007. С. 70). При этом для большинства сдвоенных «раннесарматских» пряжек характерна другая конструкция выступа-фиксатора.

В виде прямоугольной рамки с неподвижным заостренным стержневидным выступом. Обе известные пряжки бронзовые, украшены объёмными стилизованными фигурами животных (мавзолей Неаполя Скифского). Сколько-нибудь близких аналогий неизвестно.

Подковообразные или U-образные с подвижным язычком. Бронзовые пряжки с уплощённой дуговидной рамкой и подвижным язычком, который закреплен на железной или бронзовой оси. Вывод А. А. Труфанова о распространении этих пряжек с конца I в. до н.э. (Труфанов. 2004) недавно признан ошибочным. На самом деле прямые аналогии пряжкам такого типа известны в различных пунктах Средиземноморья в хронологическом диапазоне второй половины II – середины I в. до н.э. (Масякин. 2007. С. 130).

«Сюльгамы». Предметы, представляющие собой разомкнутое кольцо с расклепанными и закрученными концами, на котором подвижно закреплена игла или заостренный стержень, во многих случаях сильно выступающий за рамку. Изготовлены из железа, бронзы или серебра. Вызывает недоумение то обстоятельство, что все без исключения исследователи отмечали их сходство с застежками-«сюльгамами» северных культур Восточной Европы, но всегда относили к пряжкам (Дашевская. 1991; Пуздровский. 2007). На самом деле эти предметы являются специфическим типом фибул¹⁶¹; подобная конструкция была популярна, например, у носителей зарубинецкой культуры (Еременко, Журавлёв. 1992) а также в Центральной и Западной Европе в позднелатенское время.

4. Соединительные кольца ремней. *Кольца с перекрестиями* (Рис. 2. 21, 22). Все известные экземпляры – бронзовые, литые, в одном случае известен комплект из четырёх штук, снабжённых пластинчатыми зажимами для крепления к кожаным ремням. Аналогии в большом количестве известны в латенское время на территории Центральной и Западной Европы под именем колесовидных подвесок (Radanhänger; Рис. 2. 19, 20).

¹⁶¹ Сюльгама, сюлгам, сыльг – женское украшение, нагрудная брошь у финно-угорских народов Восточной Европы.

Гладкие и гофрированные кольца. Все экземпляры изготовлены из железа и бронзы, некоторые снабжены пластинчатыми зажимами для закрепления на кожаной основе. Большинство таких колец в захоронениях находится комплектами от двух до четырёх штук. Также в некоторые комплекты входят подобные сдвоенные кольца, иногда украшенные орнаментом. Практически больше нигде неизвестные в Северном Причерноморье, соединительные кольца кожаных и металлических поясов являются типичной находкой на памятниках Галлии, Южной Германии, Чехии и т. п. периодов Lt C и Lt D.

Треугольные наконечники ножен (Рис. 2. 30–34). Изготовлены из серебра, железа или бронзы, многие украшены гравировкой и пуансонным орнаментом, у некоторых края оформлены фигурными вырезами. Долгое время считалось, что такие «обоймы» являлись наконечниками ремней (Сыманович. 1983. С. 95), но случаи достоверных находок таких наконечников со вставленными в них железными ножами позволили откорректировать прежнюю ошибочную интерпретацию (Зайцев, Мордвинцева. 2003. С. 148–149). В небольшом количестве подобные предметы известны на Северном Кавказе; другой ареал распространения таких наконечников, украшавших ножи изогнутых фракийских ножей – Среднее и Нижнее Подунавье. Наиболее западной территорией распространения подобных изделий является Центральная Европа (верхнее течение Дуная – см. Зайцев. 2009)

Выводы. Таким образом, в «позднескифских» захоронениях Крыма представлен устойчивый набор элементов мужской поясной гарнитуры (крюки, комбинированные ремни с пряжками и соединительными кольцами, ножи в кожаных футлярах с металлическими наконечниками), который имеет свои характерные особенности. Во-первых, практически полное отсутствие подобных предметов в синхронных древностях на остальной территории Северного Причерноморья (за исключением Северного Кавказа). Во-вторых, количественное и типологическое доминирование упомянутых категорий вещей в Крыму по сравнению с Северным Кавказом. В-третьих, обширный и разнообразный круг аналогий практически по всей Центральной и Западной Европе; полное повторение основных элементов мужской экипировки (крюк, комбинированный ремень с металлическими деталями) которые в сочетании с фибулами были типичны только для европейского костюма эпохи латена C и D.

Легко заметить, что такая реконструкция трудно согласуется как с традиционными представлениями о происхождении позднескифской культуры, так и с выводами о значительной её «сарматизации». С другой стороны, приведённые примеры демонстрируют вполне отчётливую связь варварского населения Крыма с несколько более ранними памятниками Тираспольской группы, которая прослеживается и по другим категориям материала.

В таком контексте теперь уместно вспомнить пассаж Плутарха о том, что: «Кельтика такая обширная страна, что она от Внешнего океана и холодных стран идет в сторону солнечного восхода и Меотиды, где граничит с Понтийской Скифией. Именно оттуда, где смешались эти племена <...> всё их войско называлось кельтоскифами» (*Plut. Mac. VI*).

В своё время В. Е. Еременко и М. Б. Щукин, обратившие внимание на этот отрывок, отмечали, что «Не удаётся найти следы кельтоскифского смешения и на собственно позднескифских памятниках» и «Единственным бесспорным свидетельством кельто-скифского “смешения” пока остаются комплексы мужских погребений Чаплин» (Еременко, Щукин. 1992. С. 108). Очевидно, что приведённый материал теперь может внести принципиальные коррективы в подобные выводы.

В. И. Мордвинцева

Контакты варваров Нижнего Поволжья с античными центрами (III в. до н.э. – середина III в. н.э.)

Сравнительная удаленность Нижнего Поволжья от античных центров сказалась на ничтожно малом количестве информации о проживающих здесь племенах и их обычаях, которая содержится в трудах древних авторов. Из письменных и эпиграфических источников создаётся впечатление, что население, жившее в греческих полисах Северного Причерноморья и Боспорского царства, рассматривало окружающих их варваров, прежде всего кочевников, как враждебную и угрожающую их существованию периферию. Однако этих данных недостаточно, чтобы составить мнение о том, как относились обитающие в степях к северо-востоку от Боспорского царства кочевые племена к наличию в сравнительной близости от них эллинской цивилизации. Восполнить недостающую информацию помогают, в какой-то мере, археологические источники.

Представление о том, как относилась периферия к некоему «излучающему» центру (Dobesch. 2004. S. 35–36), может быть составлено на основе сравнительного анализа погребений знати. Одним из перспективных подходов является анализ комплексов, содержащих предметы из драгоценных металлов. В большинстве случаев речь идёт об инсигниях власти – знаках, призванных отличать лица особого социального статуса от обычных людей. Одни знаки могут быть выработаны самим обществом, другие – навязаны или восприняты извне. С помощью анализа этих знаков можно определить центры концентрации варварской элиты, показать направления её внешних контактов и их изменение с течением времени.